

DOI: 10.31857/S086919080010815-3

О ЖИТЕЛЯХ ИНДИЙСКОГО ТОРГОВОГО ДВОРА В АСТРАХАНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ XVIII в.)

© 2020

К.Д. НИКОЛЬСКАЯ^a

^a – Институт стран Азии и Африки (ИСАА), МГУ им. М.В. Ломоносова
ORCID: 0000-0001-5996-6318; sniff0210@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме социальных отношений в колонии индийских торговцев, которая существовала с XVII по XIX в. на Волге (город Астрахань). Основными источниками для анализа ситуации являются документы Астраханского архива XVII и XVIII в. (прежде всего переписи населения и те документы, в которых упоминается так называемый Индийский двор, где проживала большая часть индийцев). Помимо архивных документов из Астрахани исследование привлекает записки европейских путешественников XVII и XVIII в.: Петра Симона Палласа, Иоганна Готлиба Георги, Яна Янсена Стрейса, Самуила Готлиба Гмелина. В ходе исследования формулируется ряд проблем, которые до настоящего времени не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Главная из них – социальный состав индийской общины на Волге. И в документах, и в записках путешественников практически не рассматривается тема кастового статуса индийских колонистов. Источники рисуют их сообщество почти гомогенным. Причина этого ясна: ни астраханские чиновники, ни европейские путешественники не разбирались в проблемах кастового строя. Потому и документы, и записки европейцев игнорируют те черты жизни индийцев, которые свидетельствуют о кастовой иерархии. Однако внимательный анализ документов (имена индийцев, внешний вид и топография индийского двора, условия проживания индийцев в Астрахани, их род деятельности, их отношения с местными жителями, отношения друг с другом и т.д.) и рассказов путешественников позволяет говорить о разнородности общества астраханских индийцев. Общий вывод исследования таков: в Астрахань из Индии приезжали не только те, кому кастовый статус предписывал торговлю как основное занятие. В число обитателей Индийского двора и в круг, с которым индийцы поддерживали контакты, были включены именно те, благодаря которым кастовые индусы и в чужой стране могли строить свою жизнь по предписанным традицией правилам, нанося минимальный ущерб кастовой чистоте. Население индийского подворья в Астрахани по мере возможностей стремилось всеми доступными средствами создать имитацию жизни у себя на родине.

Ключевые слова: касты, индуизм, ритуальная чистота, Астрахань.

Для цитирования: Никольская К.Д. О жителях Индийского торгового двора в Астрахани (по материалам XVIII в.). *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080010815-3

ABOUT THE RESIDENTS OF THE INDIAN TRADING YARD IN ASTRAKHAN (ON THE MATERIALS OF THE 18th CENTURY)

© 2020

Kseniia D. NIKOLSKAIA^a

^a – Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5996-6318; sniff0210@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the problem of social relations in the colony of Indian traders, which existed from the 17th to the 19th centuries on the Volga (Astrakhan). The main sources for analyzing the situation are documents of the Astrakhan archive of the 17th and 18th centuries. In addition to archival documents from Astrakhan, the study attracts notes of European travelers of the 17th and 18th centuries. In the course of the research, a number of problems that have not been considered either in the domestic or foreign scientific literature so far are formulated. The main one is the social composition of

the Indian community on the Volga. The caste status of the Indian colonists is almost not discussed in the documents and notes of travelers. Sources depict their community as almost homogeneous. Therefore, both documents and travel notes of Europeans ignore those features of Indian life that indicate a caste hierarchy. However, a careful analysis of documents and stories of travelers allows us to speak about the heterogeneity of the society of Astrakhan Indians. The general conclusion of the study is that not only those persons whose caste status prescribed trade as their main occupation came to Astrakhan from India. Those people thanks to whom a caste Hindus even in a foreign country could build his life according to the rules prescribed by tradition, causing minimal damage to caste purity, were included to the inhabitants of the Indian court in Astrakhan, and within the circle with which the Indians maintained their contacts. The population of the Indian court in Astrakhan, as far as possible and by all available means sought to create an imitation of their life at homeland.

Keywords: castes, Hinduism, ritual purity, trade, Astrakhan.

For citation: Nikolskaia K.D. About the Residents of the Indian Trading Yard in Astrakhan (on the Materials of the 18th Century). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080010815-3

*Der Herrgott hat einen
großen Tiergarten¹.*

Начиная с XVII в. в городе Астрахань, крупном торговом центре Российской империи, существовала торговая колония купцов, выходцев из далекой Индии. Наши сведения о жизни и предпринимательской деятельности этих торговых людей базируются на ряде разнотипных источников. С одной стороны, это многочисленные документы, сохранившиеся в архивах как самой Астрахани, так и иных городов, с другой – записки путешественников, отечественных и зарубежных, в разные годы посетивших город на Волге. Первая группа источников сохраняет материал, главным образом касающийся торговли и взаимоотношений индийцев с местными жителями. Путешественников же интересовали прежде всего вопросы этнографического порядка – язык, обычаи, верования иноземцев. Впрочем, сбор этих сведений сталкивался с определенными затруднениями.

Как заметил Петр Симон Паллас, «опыт научил их [индийцев] быть крайне подозрительными (*argwöhnisch*) и в высшей степени скрытными (*äußerst verschwiegen*) <...> Исключая хороших знакомых, да чужаков, рекомендованных им этими знакомыми, они неохотно пускают кого-либо в свои жилища...» [Pallas, 1782; Никольская, 2010, с. 384]. Немецкий ученый и путешественник при всей своей эрудиции не был ни востоковедом, ни тем более индологом. Потому закрытость сообщества индийских купцов он объяснял неким опытом, который они приобрели во время длительного проживания на Волге, в чужом, а иногда и откровенно враждебном окружении. Между тем, не исключая справедливости доводов Палласа, стоит учесть тот факт, что значительная часть индийских торговцев, если судить по данным источников, принадлежала к кругу кастовых индусов. И, как представляется, именно этот факт являлся определяющим для установления ими норм проживания на чужбине.

Жизнь кастового индуса подчинена строгим правилам, соблюдение которых гарантирует ему сохранение статуса. Любое отступление от них грозит, как минимум, кастовым осквернением. Серьезное нарушение предписаний чревато исключением из касты. Между тем индийские купцы находились не просто далеко от родины, но на территории другого государства, в окружении чужаков – людей, живущих по совершенно иным порядкам и в иной системе ценностей. Соблюдение кастовых предписаний, в том числе при решении элементарных бытовых проблем, в этих условиях было сопряжено с большими

¹ Немецкая поговорка. Приблизительный перевод: «Разные звери в божьем зверинце».

сложностями. Вероятно, по этой причине индийцы и вели такой закрытый образ жизни, в результате чего в источниках сохранилось крайне мало сведений о взаимоотношениях **внутри** их сообщества. Астраханские документы освещают в лучшем случае лишь конфликты, разгоравшиеся между купцами вокруг проблем с наследством и долгами. В записках европейских путешественников дается в основном взгляд на это сообщество извне. Взаимоотношения внутри общины и даже ее структура выглядят в текстах весьма невнятно. Прежде всего обращает на себя внимание следующий факт: европейские путешественники, слабо ориентируясь в специфике кастового общества, по преимуществу описывают эту «корпорацию» как относительно гомогенную. Исключая указания на то, что среди индийских торговцев всегда присутствовали брахманы, необходимые для совершения культовых действий, в остальном индийское сообщество в европейских записках изображается как некая единая группа.

Астраханские документы не дают нам прямой возможности судить о кастовом статусе жителей индийского двора. Это и понятно: российских чиновников не только не волновал этот вопрос, но и в принципе он вряд ли был известен. Однако по «косвенным уликам» мы можем предположить, к какой касте принадлежал тот или иной индийский гость. Так, если в документах 30–34² фигурирует «индейский поп Баларама», мы можем с уверенностью считать, что речь идет о брахмане. Вероятнее всего, о брахмане говорится и в документе 35 – «челобитье индейской веры учителя Банкрана Ченкрасына». Присутствие брахманов среди индийских купцов подтверждается данными Петра Симона Палласа [Никольская, 2010, с. 381 и далее].

По свидетельству Палласа, индийские купцы, жившие на Волге, именовали себя баньянами (Banjanen) [Pallas, 1782]. Так же называл астраханских индийцев и голландский путешественник XVII в. Ян Стрейс [Стрейс, 1935]. Стоит отметить, что термин этот хорошо был известен европейским авторам эпохи раннего Нового времени. Он повсеместно встречался в описаниях индийского общества, правда, с разными значениями³. В некоторых контекстах создается ощущение, что так авторами называются почти все кастовые индусы.

Наименование кастовой группы банья происходит от санскритского слова *vaṇij*, что буквально переводится как «торговец» [Böhtlingk, 1884]. А поскольку и Паллас, и Стрейс имели весьма слабое представление о специфике кастового общества (о чем красноречиво свидетельствуют их тексты), не исключено, что информаторы вовсе не называли европейским путешественникам свою касту, а лишь сообщали о роде деятельности – торговле.

Между тем более детальное знакомство с текстами наших источников может внести некоторую ясность в суть вопроса. Обратимся к ним. Прежде всего, все торговцы, фигурирующие в документах, могут быть четко поделены на три неравные категории. Первая категория, о которой мы осведомлены менее всего, – жившие «своим домом»⁴. Вторая –

² Здесь и далее документы XVII в. цитируются по изданию [Русско-индийские отношения в XVII в., 1958], XVIII в. – по изданию [Русско-индийские отношения в XVIII в., 1965]. Нумерация документов XVII в. дается курсивом, нумерация документов XVIII в. – обычным шрифтом. Однако по преимуществу в работе использованы материалы именно XVIII в. – эпохи, когда колония существовала уже несколько десятков лет, и быт индийских торговцев получил более или менее устоявшийся характер.

³ «... Меж индийцев встречаются [люди] трех сортов: беньяны, браманы и мохры...», «... беньяны встречаются по всей Индии там и тут. Но более всего в Гузаратте. Потому в других местах они называются гузараттами...», «... расбуты (gaßbuten) тоже язычники. Некоторые утверждают, что они, должно быть, один из видов беньянов» (перевод автора статьи) [Dharampal-Frick, 1994, S. 221].

⁴ «Живущие своим домом» индийцы – отдельный вопрос, выходящий за рамки данной статьи. Следует лишь отметить, что среди них тоже встречаются разные персонажи. С одной стороны, к этой категории, возможно, принадлежали те, которые не просто вступили во временные браки с местными татарками, но на самом деле отделились от своих соотечественников и стали жить семейной жизнью (112). С другой стороны, в текстах документов встречаются упоминания фактов продажи индийцами земли в самой Астрахани (5). А в

те, что жили на территории двора Агрыжанского (предназначенного, прежде всего, для детей, рожденных от индийских торговцев местными татарками, так называемых агрыжан или агрыжанцев – откуда и название двора: от татарско-тюркского «оглы» – «ребенок»). В некоторых случаях, если верить документам, на том же Агрыжанском дворе проживали и некоторые выходцы из Индии⁵. Наконец, третья категория, самая массовая, – лица, проживавшие на территории Индийского торгового двора. Такое территориальное рассредоточение вряд ли диктовалось исключительно собственным желанием индийцев и, скорее всего, было связано с определенными различиями между ними. Причем различиями не столько материального, сколько социального порядка – в индийских условиях, безусловно, связанного с проблемами касты.

О внутренней планировке Индийского торгового двора ни в записках Георги, ни в статье Палласа, ни в текстах других авторов никакой ясной информации нет. Более того, несложно заметить, что никто из путешественников, по всей вероятности, никогда не бывал во внутренней части двора или в самих жилищах индийских купцов. Все сюжеты, встречаемые в статье Палласа, разворачиваются на открытом пространстве (кроме описания богослужения в «кумирнице»). Об этом же свидетельствует приведенная выше цитата из его статьи. В работе И.Г. Георги⁶, правда, дается относительно подробное описание внутреннего устройства жилищ индийских торговцев. Однако при внимательном чтении создается ощущение, что рассказ ведется с чужих слов, а сам путешественник, как и его коллега, никогда не бывал во внутренней части индийских лавок. Так, скажем, Георги уверяет нас, что в индийских лавках нет окон, а лишь отверстие для дыма в потолке. Между тем в астраханской описи, ведущей учет подлежащих ремонту объектов двора (208), четко указано, что в некоторых лавках поломаны окончины. Георги сообщает нам, что печи в лавках железные. Между тем в той же описи говорится, что в некоторых лавках печи «должно перекласть», что возможно лишь в том случае, если печи выстроены из кирпича. Эти и другие детали красноречиво свидетельствуют, что и Георги никогда не бывал внутри жилищ индийских торговцев, а строил свой рассказ на основании чужих слов и, возможно, собственной фантазии. В этой ситуации кажется правильным воспользоваться для реконструкции устройства индийского подворья официальными документами.

Если верить этим источникам, еще в середине XVII в. Индийского двора скорее всего не существовало. Так, в документе от 1647 г. вместо него упоминается лишь некая «съезжая изба» (35). Но в 1693 г. вместо нее фигурирует именно двор, который упоминается в связи с приказом «зделать для приезду и торгу иноземцом и для астраханских жителей и торговой складки и торговли гостиной особой двор на том месте, где ныне Индейской двор» (249). Документ от 1707 г. упоминает уже «Индейской гостин двор каменного строения», который «крыт кирпичем» (4). В 1767 г., когда в результате крупного пожара в Астрахани сгорели кремль и прочие постройки, исчезло и Индийское подворье (185). Но к концу XVIII в. оно вновь появляется. Правда, в архивных документах двор фигурирует именно как Индийский (190, 208 и др.), тогда как Паллас настаивает на

«Доношении» астраханскому губернатору и вовсе упоминаются такие индийцы, которые «под именем татар» (возможно, опять же вступив в браки с татарками) имеют в городе дворы и сады (192). В любом случае статус «живущих своим домом», очевидно, отличен от статуса торговцев, проживавших на Индийском дворе.

⁵ Документы четко различают лиц «индейской породы», которые родились в Астрахани (т.е. детей от смешанных браков), и «индейцев», которые в Астрахань прибыли из Индии (190). Причина проживания последних не на Индийском, а на Агрыжанском дворе, не вполне ясна. Но, учитывая, что некоторые из них проживали вместе со своими детьми («индейской породы», т.е. рожденными в Астрахани), можно думать, что речь идет о тех индийцах, которые живут в браках с татарками [Никольская, 2019].

⁶ Посвященный астраханским индийцам фрагмент работы И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей» [*Русско-индийские отношения в XVII в.*, 1958, с. 518–521].

том, что индийские купцы делят его с купцами армянскими («...коего другая часть принадлежит армянским торговым людям» [Никольская, 2010, с. 383]). С данными Палласа согласуется и карта, приведенная в книге С.Г. Гмелина⁷, кстати, одного из его информаторов. Впрочем, к этому противоречию мы вернемся чуть позже.

Ценным свидетельством для реконструкции облика подворья, ни подробных планов, ни внятных описаний которого не сохранилось, оказывается упомянутый выше документ от 1799 г. (208), представляющий собой опись, составленную губернским архитектором Дигбием и предназначенную для проведения ремонтных работ. Именно этот текст может до определенных пределов заменить нам план Индийского двора.

Судя по описи, все постройки на подворье располагались по трем линиям. Вероятнее всего, отсчет линий велся от входа. Если так, то ближе всего к улице оказывалась первая линия, максимально удаленной – третья. На каждой линии дома выстраивались по обеим сторонам и различались, с одной стороны, по своему назначению (лавки, амбары, сараи, конюшни и т.п.), с другой – по тому, на чьи деньги они сооружались. В большинстве случаев текст не содержит указаний на то, чьи средства вложены в строительство, но при этом особо выделяются постройки казенные и те, которые построены «индейцами, собственным своим коштом»⁸. Расположение построек на этих трех линиях заставляет думать, что такая их дислокация была не произвольной, но подчинялась определенной логике.

Большая часть сооружений определяется документом как лавки, в которых, по мнению И.Г. Георги, индийцы и жили, и торговали. Подобное устройство торгового помещения типично для Южноазиатского региона и повсеместно встречается и сегодня. При этом если «торговая часть» дома открыта для посетителей, то во внутреннюю его часть, отведенную под проживание, доступ посторонним, как правило, закрыт. По преимуществу именно из таких лавок, если верить описи, состояла первая линия подворья, т.е. та, на которую попадал покупатель непосредственно от входа. Сооружения же иного назначения, чередуясь с более редкими лавками, располагались уже на второй и третьей линиях. Этот момент представляется важным, поскольку подобная планировка ограждает такие приватные (с точки зрения кастового индуса) объекты как кухня, столовая, кладовые для съестных припасов, «кумирница» или баня (очевидно, предназначенная не только для бытового мытья, но и для культовых омовений) от вторжения случайных лиц. Достаточно вспомнить, что и сегодня в Индии кухня – максимально чистое с ритуальной точки зрения помещение в доме и потому расположенное в самой глубине дома. Ведь появление в ней внекастового человека (каковыми по определению являлись все жители Астрахани, в том числе и потенциальные покупатели) автоматически сделало бы все продукты непригодными для еды.

Наличие в перечне **двух кухонь и двух столовых** на первый взгляд может объясняться многочисленностью купеческого сообщества (в 1746 г., по описям, – 52 человека и еще 23, прибывших из Персии, игравшей роль перевалочного пункта на пути из Индии в Астрахань; в 1747 г. – 53 человека, в 1784 г. – 89 человек и т.д.; по подсчетам Палласа, в разные годы – «от полутора до двух сотен» [Никольская, 2010, с. 384]⁹). Однако обращает на себя внимание то, что и обе кухни, и обе столовые при них находились на разных линиях: одна пара сооружений – на второй линии, другая – на третьей. То же касается и обеих присутствующих в списке кладовых для съестных припасов, расположенных

⁷ План города Астрахани, 1774 г. (по Генплану 1769 г.) [Гмелин, 1806].

⁸ Кошт (от польск. koszt) (устар.) – расходы на содержание.

⁹ Вероятно, такое расхождение цифр в официальных документах и в записках путешественника можно было бы объяснить тем, что описи приводят нам численность жителей исключительно Индийского двора, тогда как для Палласа индейцами могли быть и те, что жили за его пределами (т.е. «своим домом» или на Агрыжанском дворе).

вблизи от кухонь и столовых: одна – на второй линии, другая – на третьей. Так же выглядит ситуация и с теми помещениями, которые в описи фигурируют как «бани». Одна опять же была расположена на второй линии, другая – на третьей. Такое дублирование помещений одинакового назначения не кажется случайным. И если бы оно было продиктовано лишь увеличением численности жителей подворья, старые сооружения либо расширились бы, либо их дубликаты появлялись в непосредственной близости. Разнесение же их по разным линиям позволяет говорить о преднамеренности такой планировки. И преднамеренность эта, скорее всего, продиктована наличием внутри торгового сообщества индийцев разных кастовых групп, представители которых не могут принимать пищу совместно.

Обратимся теперь к документам, которые позволяют проследить состав жителей Индийского двора. Прежде всего, следует обратить внимание на документ от 1752 г. (148). Он ясно демонстрирует нам факт проживания на Индийском дворе не только выходцев из Индии, но и нескольких армян разного происхождения. Согласно тексту документа, в 1752 г. помимо индийских купцов на подворье проживало 5 армян – двое персидских и трое астраханских. В более поздних текстах упоминаний армян среди индийских купцов мы не встречаем, но, возможно, если практика совместного проживания сохранялась и в 70-е г., именно этот факт породил представление о том, что индийцы делают свой торговый двор с армянами, о чем писал Паллас и что отражено в карте Гмелина.

Предельно любопытен документ 1747 г. (132), представляющий собой ведомость Астраханского Индийского двора. Согласно ведомости, в этот период население подворья составляло 53 человека разных возрастных категорий – от 18 до 65 лет включительно. Помимо возраста текст содержит указания на количество лет, прожитых индийцами в Астрахани – от 1 года до 30 лет. Именно этот документ отчетливо демонстрирует, что никакой гомогенности индийского сообщества, иллюзию которой создают записки путешественников, не было вовсе.

Большую часть населения торгового двора, действительно, составляли торговцы – т.е. те, о ком говорится: «Имеет купечество разными товарами». Различия между ними на первый взгляд, в самом деле, были минимальны. Часть происходила из «города Мултан (Мултани, Мултана)», часть – из неидентифицируемых деревень. Единственное, что их отличало друг от друга, это детали торговой деятельности. Большинство торговало товарами из Персии. Некоторые одновременно вели торг и товарами российскими. У части связь с Персией осуществляется через собственных приказчиков. Другой части товары присылал «ис Персии хозяин ево». То есть различие между ними состояло, прежде всего, в степени автономности в торговых делах и наборе товаров. Однако для решения вопроса об их кастовом статусе этого материала недостаточно.

Проблема казалась бы проще, будь в нашем распоряжении подлинные имена торговцев, не исковерканные «на русский лад» местными чиновниками. Но даже и в этой исковерканной форме в разных документах мы встречаем своего рода «говорящие фамилии». Оригинальные индийские имена в полном своем виде состоят, как правило, из двух компонентов: индивидуального имени и имени коллективного. Коллективное имя обыкновенно играет роль «кастового индикатора», одновременно являясь своего рода территориальной привязкой [Чернышев, 1986, с. 122–123]. Потому, помня о версии Палласа, что большинство индийцев происходят из Мултана, не приходится удивляться, встречая в документах XVIII в. многочисленных Мултаньевых, а также Мултани, Мултандова, Мултаньева и др.

Но одновременно в текстах фигурируют такие персонажи, как крупный купец и ростовщик Марвари Бараев¹⁰, или Дулачандов Марвари, или Ражарамов Марварий. В их

¹⁰ В текстах он называется то Марвари, то Марварей, то Марварий, то Марвара.

именах можно предполагать отсылку и к региону Марвар (Раджастан), и к названию касты марвари [Народы Южной Азии, 1963, с. 908]. С тем же успехом имя священнослужителя Буланатова Рампури может быть отсылкой к округу Рампур.

Разнообразие имен, присутствующих в документах, могло бы дать богатую пищу для дальнейших изысканий в этом направлении. Однако измененные иногда до полной неузнаваемости, они лишают нас такой возможности, позволяя лишь предполагать внутри торгового сообщества наличие нескольких кастовых групп, происходивших из разных регионов Индии.

Вернемся к нашей ведомости. Помимо купцов в ней присутствует «поп Балибу Мингиралиев». Наличие служителей культа среди торговцев отмечают и Паллас, и Георги. Число их, судя по всему, могло варьироваться. Так, в ведомости 1747 г. (132) «поп» только один. Согласно статье Палласа «браманов» в Астрахани было двое (1773). В проезжих грамотах XVIII в. «поп» Баларам фигурирует как спутник индийских купцов, выезжающих из Астрахани в Москву (30, 32–34). Если эта практика была распространена, то, очевидно, кто-то из служителей культа при этом должен был оставаться в колонии. Это означает, что брахманов всегда должно было присутствовать в городе больше одного.

Помимо собственно купцов и брахмана в ведомости 1747 г. фигурируют и другие персонажи. Прежде всего, это лица, определяемые документом как «кашевары». Профессионалы такого рода упоминаются и в других документах разных лет. Так, в ведомости предыдущего, 1746 г. фиксируется факт прибавления к одному кашевару, жившему на подворье уже 12 лет, еще двоих, прибывших из Персии. На следующий год кашеваров уже четверо.

Сам факт наличия специальных поваров на подворье удивительным не кажется. То, что трапезы для купцов организовывались централизованно, становится понятным уже из документа 208, где отдельными строениями представлены две кухни и две столовые. Важным представляется другое: при общей тенденции нанимать обслуживающий персонал – приказчиков (56, 191), торговых агентов и письмоносцев (49), провожатых (49) – среди местных татар, калмыков, а иногда даже крепостных (49), кашеваров выписывают из Индии. И это, совершенно очевидно, связано не с тем, что кулинарные таланты местных жителей не отвечали взыскательным вкусам индийских гостей.

Кастовые предписания и страх перед ритуальным осквернением накладывают жесточайшие ограничения на условия приготовления и поглощения пищи. Хорошо известно, что еда, приготовленная человеком низкого статуса, грозит кастовому индусу ритуальным осквернением. Даже в современной нам действительности эта ситуация в общих чертах сохраняется. Скажем, с ранних периодов истории и до настоящего момента оптимальным кулинаром считается брахман, из рук которого принимать пищу кажется безопасным практически для всех. Те же брахманы по вышеозвученным причинам до настоящего времени часто являются содержателями «заведений общепита». Кастовый статус проживавших на Индийском подворье кашеваров нам неизвестен. Скорее всего он отличался от каст, к которым принадлежали торговцы (ибо, как следует из переписи, торговлей кашевары в принципе не занимались, что в документах определяется фразой «купечества не имеет»). Но в любом случае, к каким бы кастам они ни принадлежали, их статус позволял жителям подворья употреблять в пищу блюда, ими приготовленные. А если предположение о том, что кухни были предназначены для представителей разных кастовых групп, верно, то в таком случае и «кашевары» для этих групп, в свою очередь, могли принадлежать к разным кастам.

Если верить переписи, помимо брахмана, обширной группы купцов и нескольких кашеваров на подворье проживала еще одна категория индийцев. Это лица, не имевшие определенного рода занятий и существовавшие на средства общины. В ведомости они

условно делятся на две категории. Первая – «безработные» («купечества не имеет», «пропитание имеет от своей братьи индейцов», «пропитание имеет от своего кошту»). Вторая – «официальные нищие» («пропитание имеет, яко нищей, от своей братьи индейцов», «нищей, пропитание имеет от показанных индейцов»). Примечательным кажется следующий момент: ни нищие, ни безработные не являлись лицами преклонного возраста, т.е. старыми и немощными. Их возраст колебался от 25 до 50 лет, а это означает, что видимая «благотворительность» их собратьев была продиктована не гуманистическими соображениями, как можно было бы подумать. Более того, вероятно, и в прошлом торговлей эти люди не занимались. Это становится очевидным, если обратить внимание на аналогичный документ, составленный годом ранее (131). В нем тоже фигурируют безработные, но в отличие от упомянутых выше и Исиндар Чандаев, и Асананж Девидасов, вероятнее всего, прежде все же торговали, так как про каждого из них говорится, что «пропитание имеет прежним своим капиталом». То есть, в сущности, они являлись своего рода «пенсионерами». При этом в том же документе присутствуют лица, про которых сказано: «Пропитание имеет мирским подаянием».

Какова же роль этих «официальных нищих» Индийского подворья? Выше уже говорилось о том, что возраст их не позволяет видеть в них сирых и убогих, которых община содержит лишь из жалости и корпоративной солидарности. Кроме того, и стаж пребывания их в стенах подворья вызывает некоторое удивление. Так, 50-летний Лажарам Биндрабанов живет на дворе уже 11 лет, 40-летний Басирам Валуев – 12 лет. Биографии их нам неизвестны, но про обоих говорится: «Купечества никакого не имеет». Соответственно вряд ли речь идет о разорившихся или вышедших на заслуженный отдых «коллегам». Кого же российские чиновники могли идентифицировать как нищих?

Чтобы разобраться с этим вопросом, отвлечемся ненадолго от ведомости двора и обратимся к совершенно иному документу, излагающему занимательную историю. В 1769 г. индийские купцы Малтаниев (Мултаниев) Амардас и Чантрипанов Менгра были отвезены в Москву на суд. По пути, проезжая мимо «богоугодного учрежденного императорского воспитательного дома», Амардас принял решение: если суд вынесет ему оправдательный приговор, пожертвовать этому заведению 100 рублей – для второй половины XVIII в. деньги весьма немалые (187). По вынесении обоим индийцам оправдательного приговора обещание было незамедлительно исполнено, о чем и был составлен настоящий документ. Эта ситуация рассматривается российскими чиновниками как акт благотворительности. Но не стоит забывать, что злополучный Амардас – представитель совершенно иной культуры, и потому интерпретация его поступков и действий может не вполне согласовываться как с логикой отечественных бюрократов, так и с гуманистическими идеалами российских христиан.

В контексте индийской культуры смысл эпизода, отраженного в документе 187, может интерпретироваться несколько иначе. Скорее всего ситуация, описанная в тексте, должна рассматриваться как исполнение определенного обета, данного перед богами во исполнение желания – ситуация, хорошо известная по эпическим текстам¹¹.

Очевидно, что, даже находясь за пределами родины, в окружении чужаков, индийские купцы стремились доступными средствами соблюдать нормы поведения, традиции, предписываемые их вероучением. В этом ключе, как представляется, и стоит рассматривать не только жертвование средств воспитательному дому, но и ситуацию с кормлением нищих и иждивенцев, живших на подворье. Значение дарения, к которому

¹¹ Лаконичность документа дает нам слишком мало материала для того, чтобы представить эту ситуацию в деталях. Однако равным образом перед нами может быть ситуация «заклятия истиной», при которой человек делает какое-то заявление относительно своих истинных мыслей или намерений [Brown, 1972]. В данном случае: «Как верно то, что я пожертвую деньги воспитательному дому, так верно и то, что суд вынесет оправдательный приговор».

обыкновенно причисляется и подаяние, для индийской культуры несоизмеримо большее, чем для иных традиционных обществ. Дарение ставится в один ряд с подвижничеством и жертвоприношением в деле очищения от грехов (Махабхарата XIV.3.4–10). Совершение дарения – неперемнное условие приобретения благочестия, залог лучшего рождения в будущем, важнейшая составляющая значительной части церемоний, начиная с эпохи Древности (помазание на царство, свадьба, иные обряды перехода, традиционные праздники и т.п.). Согласно Бируни, «индийцам вменяется в обязанность раздавать каждый день милостыню по мере возможности...» [Бируни, 1995, гл. LXVII]. В этой связи стоит отметить, что тема подаяний/угощений появляется и в статье Палласа (рассказ о дарениях и угощении для всех желающих на праздновании дивали [Никольская, 2010, с. 390]). Одновременно стоит помнить, что и статус нищего в контексте индийской культуры имеет несколько иной смысл, нежели в культуре европейской. Начиная с того, что есть отдельные кастовые группы нищих, заканчивая тем, что жизнь подаянием предписывается лицам, зачастую обладающим достаточно высоким социальным статусом. Соответственно нищенствование не считалось и не считается зазорным занятием.

Учитывая специфику источников, мы не можем ясно представить себе происхождение нищей братии Индийского подворья. Однако сохраняется вероятность того, что речь в документах, по крайней мере в некоторых случаях, идет не только о профессиональных нищих, но и об аскетах, столь же типичном элементе индийского социума. Подтверждением этому предположению может служить свидетельство Георга Форстера, немецкого публициста и путешественника XVIII в., сопровождавшего своего отца Иоганна Форстера в его поволжском путешествии (1765 г.). В записках Форстера есть свидетельства встреч с нищими и саньясинами, чей путь из Герата и Баку лежал как раз в Астрахань [Кемп, 1958, р. 89, 96]. Если нищие и безработные Индийского подворья в самом деле могут быть идентифицированы подобным образом, то именно их присутствие позволяло соплеменникам и единоверцам придерживаться традиций и в экстремальных условиях «командировки» за пределы Индии. То есть давало возможность очищаться от грехов, накапливать религиозную заслугу и обеспечивать себе определенные «бонусы» в следующих рождениях.

Наконец, еще один момент представляется немаловажным для реконструкции отношений внутри индийской торговой общины. При очевидной замкнутости сообщества обращает на себя внимание тот факт, что слуг индийцы весьма часто выбирали из местного населения. Так, документ № 41 от 1725 г. сообщает о найме на работу Марвары Бараевым татарина Ажимамета Ишеева «во всякую домашнюю работу, что хозяин повелит делать». В документе № 186 упоминается некто Кутлуммет, касимовский татарин, слуга индийского купца. Многократно в документах фигурируют и приказчики из местного населения (№ 56, 82, 87, 165, 191 и др.). Тексты ясно демонстрируют, что слуги выполняли любую работу, порученную хозяином. Приказчики, очевидно, стояли ступенью выше и получали некие поручения, связанные с торговлей. Однако известно, что в России именно приказчики зачастую выполняли и работы по дому, мало имевшие отношения к коммерческой деятельности [Колычев, 1905, с. 11]. В таком случае роль их не сильно отличалась от роли простого слуги.

Естественно, возникает вопрос: в чем причина такого количества слуг из местного населения? Ответ, как кажется, очевиден. Происхождение такого слуги, не имеющего в отличие от выходцев из Индии кастового статуса, позволяло ему выполнять те работы, которые для индуса были недопустимы из-за риска осквернения, но были необходимы в повседневной жизни. В сознании кастового индуса местное население ожидаемо должно было приравняться к внекастовым, а по сути – неприкасаемым. Достаточно обратить внимание на тот факт, что никто из этих слуг не получал права жить в пределах подво-

рья. Что опять же позволяет отождествить их с индийскими неприкасаемыми. Следовательно, и роль их в жизни торговцев была сопоставима с ролью неприкасаемых в индийском социуме: всегда для того, чтобы одни могли сохранять свою кастовую чистоту, должны были существовать другие, которые выполняли недопустимую для человека высокую по положению работу.

Все вышесказанное позволяет предполагать следующее. Несмотря на видимую однородность сообщества астраханских индийцев, круг их включал в себя персонажей самого разного рода. Характер источников не всегда позволяет в деталях представить в полной мере это разнообразие. Однако смысл его кажется вполне понятным. В число обитателей подворья и круг, с которым они поддерживали контакты, были включены именно те, благодаря которым кастовые индусы и на чужбине могли строить свою жизнь по предписанным традицией правилам, нанося минимальный ущерб кастовой чистоте. Население Индийского подворья в Астрахани по мере возможностей стремилось всеми доступными средствами создать имитацию жизни у себя на родине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бируни, Абу Рейхан. *Индия*. Изд. подгот. А.Б. Халидов, Ю.Н. Завадовский, В.Г. Эрман. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995 [Biruni, Abu Reyhan. *India*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Ladomir", 1995 (in Russian)].

Гмелин С.Г. *Путешествие по России для исследования трех царств природы*. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1806 [Gmelin S.G. *Travel to Russia to Explore the Three Kingdoms of Nature*. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. Nauk, 1806 (in Russian)].

Колычев А.А. *Приказчики и их нужды*. Ярославль: Северное Эхо, 1905 [Kolyichev A.A. *Clerks and Their Needs*. Yaroslavl: Severnoe Eho, 1905 (in Russian)].

Народы Южной Азии. М.: Издательство АН СССР, 1963 [Peoples Of South Asia. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR, 1963 (in Russian)].

Никольская К.Д. Астраханские индийцы в забытой статье Петра Симона Палласа. «В России надо жить долго...». *Памяти К.А. Антоновой (1910–2007)*. М.: Вост. лит. РАН, 2010. С. 381–410 [Nikolskaja K.D. Astrakhan Indians in the Forgotten Paper of Peter Simon Pallas. "In Russia You Should Live Long Life..." To the Memory of Koka A. Antonova (1910–2007). Moscow: Vostochnaia Literatura RAS, 2010. Pp. 381–410 (in Russian)].

Никольская К.Д. «Дурные браки» в индийской традиции. *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 106–116 [Nikolskaia K.D. "Wrong Marriages" in the Indian Tradition. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 4. Pp. 106–116 (in Russian)].

Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1958 [Russian-Indian Relations in the 17th Century. Collection of Documents. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1958 (in Russian)].

Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965 [Russian-Indian Relations in the 18th Century. Collection of Documents. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1965 (in Russian)].

Стрейс, Ян Янсен. Письмо 06.03.1671. *Три путешествия*. Пер. Э. Бородиной. М.: Соцэкгиз, 1935 [Streys, Yan Yansen. Letter 06.03.1671. *Three Trips*. Transl. E. Borodina. Moscow: Sotsekgiz, 1935 (in Russian)].

Чернышев В.А. *Индийцы. Система личных имен народов мира*. М.: Наука, 1986 [Chernyshev V.A. *Indians. System of Personal Names of the Peoples of the World*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Böhtlingk O. *Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. St. Petersburg: Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1884.

Brown W. Norman. Duty as Truth in the Rig Veda. *India Maior. Congratulation Volume Presented to Prof. J. Gonda*. Leiden: Brill, 1972.

Dharampal-Frick G. *Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frühen Neuzeit (1500–1750)*. Tübingen: Nimeyer, 1994.

Kemp P.M. *Bharat-Rus. An Introduction to Indo-Russian Contacts and Travels from Medieval Times to the October Revolution*. Delhi: Indo-Soviet Cultural Society, 1958.

Pallas P.S. Etwas über die zu Astrahan wohnende Indianer. *Neue Nordische Beitræge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung*. 1782, Vol. III.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛЬСКАЯ Ксения Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент Института Азии и Африки (ИСАА), МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.	Kseniia D. NIKOLSKAIA, PhD (History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, The Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia.
--	---